

Михаил ВИСТГОФ

Михаил Вистгоф родился в 2003 году в Москве. В 2021 году поступил в Литературный институт им. А.М. Горького. Публиковался в журналах «Формаслов», «Прочтение», «Волга», альманахе «Артикуляция» и др.

Вот оконные соты. Пузырьки желтизны
Вот светила-таблетки шипучие над Москвою
Деревянный музей. Говорящий узор сосны
И шкворчащая речь. Облака грозовые с персидским кроем

Зонтик почти забытый. Щупальца узких рельс
Каменные треугольники, вкрученные в сетчатку
День, сквозь перила выжатый. Черный пружинный лес
Черный младенец июньской ночи ворочается и качает

Хлипкую электричку, щучьи ее бока
Аквамариновые глаза плавают в жирных стеклах
Сквозь любой потолок черного языка
Чувствуешь прикосновение. Давящее и теплое

На земле – кресты
Над землей – часы
И свистят хвосты в подмосковной темени
И в дубовых клоках клювы стучат размеренно
Повторя трости-зонты
Треугольные стенки-листья – в них застревают свет
Вытекающий из тусклых наддверных ламп
Травянистый хобот дороги меня несет
К тому полю где
Опрокинуты корни молниями наверх
Из чешуйчатой тучи выткался черный глаз
Мотылек огромный заблудившегося укусил
И от крови его аэростатом стал
Прилепился светилом к небу

Раздвоилось солнце в воде:
Ребенком с тремя головами
Распались бутылки, листья, витражи
На дыханье зеленое –
На стоп-кадр «Звонка»
И взлетели зарослями крапивы свежие татуировки

На плечах у земли
Их набили машинкой, похожей на перевернутую башню

Живущие в домах, чьи стены похожи на кожуру мандарина
Иногда выходят и просят огня у терракотовых зданий
Просят черноты у неба шарообразного, но такого длинного
И вдыхают бумагу воздуха, разлинованную поездами

Им не видно, где тень ладони, а где – крестовик-паук
Перила становятся стрелками, отбивают полночь
И ползет по миру хитиновый членистоногий звук
Канатоходцем бродит между бетонных колеб

Когда подведут капилляры карт, отключится GPS
Все четыре дороги рыцарский клевер покажет
Только лес окраинный говорит оставаться здесь
И за ним атом воздуха повторяет каждый

Человек, достающий до восьмого этажа
Глядит мне в окно
Его рот полон коронок-звезд
А другой его рот – птица клест
Он трещит бетонными, железными, полимерными руками
Он стоял здесь всегда

Так почему же я до сих пор
К нему не привык?

Почти безлюден подмосковный пляж
Кишечник трассы здесь едва ли слышен
Песчаный ноготь дотянулся аж
До черепичной земноводной крыши

Пригнали стопку тучевых пластин
На неба бледноватую расцветку
Пригнавший хочет молнию включить
И надевает сварочную маску

Белые цветы в крафтовой бумаге – кристаллы ожидания
Шаровой молнией путь прокладывают

Сквозь кварталы – ребром поставленные спичечные коробки

Под черным, под шершавым
Кимоно июльской Москвы

Жабры штор сокращаются, задевают столы
И, как улыбчивый топор
Качается часовой маятник

И не видишь больше своего контура:
То ли потянулся за упавшими ключами
То ли руки фонарные
Скользят к воде

Белая линия ЮБК
Выгибается огромной улыбкой
Молочный зуб маяка
Никогда не выпадет

Бумеранги чаек
Никогда не вернуться к тому
Кто запустил их

В деревянных, неловко пристроенных решетчатых балконах
Застаивается свет
В голубой траве богомол поднимает свои крюки
И прислушивается
К шуршащему сигналу вьюнка

Белый берег отпускает листовидную лодку
И она приближается
К хорде горизонта
Едва прочерченной

Утопает в детенышах – белых огнях паучиха-Москва
И оленье ребро полумесяца над головою
Сотни тонких салфеток ночной ураган разорвал
Облаками пустил над кленовым прерывистым воем

И зациклен весь мир на концах саблезубой травы:
Умещает листок заостренный, как лодка
В своих жилках фасады, беседки, гранитные львы
В них искрятся созвездия сломанной старой проводки

И на черной руке золоченый браслет пустырей
Еле слышно качается он, гравировкой бурьяна играя

Гравировка от ветра плывет – неразборчивы надписи в ней
На разбитую землю ложится травинка косяя